

тими, а иногда исчезающе малыми были различия между государственными и частновладельческими крестьянами» (с. 42).

Однако не совсем ясно, как согласовать с этим выводом утверждение о решающей роли в этот период «сеньории с зависимым крестьянством» (с. 42). Думается, что термин «сеньория» не очень удачен по отношению к Византии вообще, а к X—XI вв. — в особенности. Столь же неприменимым по отношению к Византии является и термин «аллод» (с. 77).

Как в теоретическом, так и в конкретно-историческом планах можно полностью согласиться с пониманием Литавриным различных категорий землевладения. «Государственные земли, — пишет Г. Г. Литаврин, — это все те земли, которые лежали за пределами общинных земель свободных налогоплательщиков казны и земель частных лиц, обладавших на эти земли правом полной частной собственности, каков бы ни был социальный статус этих лиц и их положение в обществе» (с. 43). В этой связи справедлива критика точки зрения Г. А. Острогорского, утверждавшего, что парик принадлежал тому, в чью пользу уплачивал налог (с. 66). В действительности парик принадлежал тому, чью землю он имел в держании на парическом праве, кому, как пишет Литаврин, он платил хоропакт.

Однако недоказанным осталось мнение, будто «отношения парикии складывались в первую очередь на частных землях» (с. 66). Что же касается дальнейшего утверждения, согласно которому парическое право формировалось как обычное право (с. 66), то, во всяком случае, в такой формулировке с ним вообще трудно согласиться. Парическое право, хотя оно продолжало развиваться и в византийское время, имело своей основой право колоната, являлось составной частью действовавшего в Византии римского государственного права. В каком плане автор трактует это право как обычное, остается неясным.

Очень интересным, хотя и гипотетичным, является предложенный Г. Г. Литавриным анализ Патмосского практика 1073 г. Этот интересный источник рассматривался многими учеными, отмечавшими наличие в нем ряда неточностей и противоречий и предлагавших различные объяснения этих особенностей. В частности, существуют разные объяснения свидетельства практика о том, что Андронику Дуже передается с перечисляемых имений вместо 57,5 номисм 37 номисм. Г. Г. Литаврин выдвигает свою оригинальную версию, объясняющую данное свидетельство источника. Соглашаясь с Н. Звороносом в том, что сумма в 37 номисм составляет парические платежи, он в то же время, в отличие от Н. Звороноса, полагает, что это — синона и кашников париков (Зворонос считал, что эта сумма не включает синону и кашников). «Безусловно, доход от париков, пока они были государственными, был выше, чем тот доход от них, который перешел Андронику Дуже. Констатация этого в практике не вызывает никаких сомнений, хотя в нем же подчеркнуто, что новому господину идет весь прежний доход с имения», — пишет Литаврин и предлагает следующий путь разрешения противоречия (с. 59). Он полагает, что зафиксированные в практике парики-зевгараты, как и парики, зафиксированные в Хиландарском практике, были ипостатиками, т. е. наряду с парическим владением имели свободную, обязанную уплатой налога, собственность. При этом, если парические казенные подати передавались Андронику, то налоги с собственности по-прежнему принадлежали государству.

Такое решение проблемы представляется весьма вероятным, хотя (впрочем, как и решения, предлагаемые Звороносом и другими учеными все же гипотетичным. Думается, автору следовало подчеркнуть гипотетичность своего вывода. Сведения источников о крестьянах-ипостатиках относятся к другой эпохе. При этом во всех источниках, где говорится об ипостатиках, они таковыми называются. В практике 1073 г. об ипостатиках речи нет. Более того, ипостатики Хиландарского практика, равно как Ивирских практиков и практиков Лавры, рассматриваются в этих описях только как парики. Не только не указывается принадлежавшая им собственность, но не фиксируется и причитавшийся с нее государственный налог.

Поэтому, если в практике 1073 г. и подразумеваются ипостатики, то надо сказать, что формуляр практика существенно отличается от формуляров Хиландарского и Ивирских практиков, и автору, поскольку он ссылается на Хиландарский практик, следовало бы остановиться на причинах расхождения его формуляра с формуляром Патмосского практика. И все же в практиках более позднего времени, в частности